

Жизнь большого писателя, кажется, всегда на виду: и все-то знают, где он живет, как живет, что ест-пьет, к кому благоволит и кто ему оказывает расположение... Вот так было и с Михаилом Шолоховым — жизнь его вроде бы не была тайной для сограждан. И тем не менее есть в этой судьбе немало загадочных страниц, малоизвестных. Вот одна из них...

Для начала — слово дочери писателя Светлане ШОЛОХОВОЙ, решившей рассказать историю, связанную с романом «Они сражались за Родину»:

— Отец хотел сказать народу правду о том, что народ пережил в предвоенные годы, и самой войне, о страшной цене сталинщины.

Ему всячески мешали. Отцу пришлось убедиться, что время для такого честного разговора тогдашние руководители и идеологи отодвинули так далеко, что ему просто не дожить.

Многое, как догадываюсь, просто не легло на бумагу — он понял, что выстраданное ни при каких обстоятельствах не сможет стать напечатанным.

Многие черновики были сожжены (и рукописи, оказывается, горят!). И опять можно только догадываться, сколько размыслений ушло в пепел.

А какие редакторы встали на пути уже написанного...

Чтобы не быть голословной, расскажу хотя бы об одном — о том, как «редактировали» уже давно признанного писателя, академика и нобелевского лауреата.

Читатели, вероятно, помнят главу из «Они сражались за Родину», которая начиналась: «Был уже на исходе май, а в семье Стрельцовых все оставалось по-прежнему...».

Вот ее и попросил в 1968 году у отца для праздничного номера газеты М. В. Зимянин, тогдашний главный редактор «Правды». Публикация должна была появиться 7—8 ноября. Прочитав отрывок, Зимянин без выси «сверху» публиковать его не решился, стал уговаривать сделать купюры, «кое-что смягчить». Отказ был решительным, автор не намерен был что-либо менять. Разговор был очень резким. Тогда Зимянин предложил показать отрывок «самому» генеральному секретарю ЦК КПСС. Л. И. Брежнев эти 40 страниц на машинке так и не удосужился прочитать за три недели, и Шолохов написал ему следующее письмо (оно печатается впервые):

«Дорогой Леонид Ильич! Как ты сегодня сказал, вступая в доклад «по традиции регламент Пленума не меняется», так и у меня тоже по неписаной традиции не менялись отношения с «Правдой» и «Тихий Дон», и «Поднятая целина», и «Они сражались за Родину» почти полностью прошли через «Правду».

Не изменяя этой традиции, я передаю туда новый отрывок из романа, который вот уже более трех недель находится у тебя.

С вопросом его использования нельзя дальше тянуть, — и я очень прошу решить его поскорее, — по следующим причинам:

1) я пока не работаю, ожидая твоего решения. Не то настроение, чтобы писать...

2) о существовании этого отрывка и о том, что он находится в «Правде», широко известно в Москве, и мне вовсе не улыбается, если где-нибудь в «Нью-Йорк таймс» или в какой-либо другой влиятельной газете появится сообщение о том, что «вот, мол, уже и Шолохов не печатают», а потом нагородят вокруг этого еще с три короба...

Обещанный тобой разговор 7 октября не состоялся не по моей вине, и я еще раз прошу решить вопрос с отрывком поскорее. Если у тебя не найдется для меня на этот раз времени для разговора (хотя бы самого короткого), поручи, кому сочтешь нужным, погово-

Из личных архивов

ЧИТАЛ ЛИ БРЕЖНЕВ ШОЛОХОВА

рить со мною, чтобы и дело не стояло и чтобы оградить меня от всяких возможных домыслов со стороны буржуазной прессы, чего и побаиваюсь и, естественно, не хочу.

Найди 2 минуты, чтобы ответить мне любым, удобным для тебя способом по существу вопроса.

Я — на Пленуме. Улетаю в субботу 2/XI. Срон достаточный для того, чтобы ответить мне даже не из чувства товарищества, а из элементарной вежливости...

Обнимаю!

М. ШОЛОХОВ.

30 октября 1968 г.,

г. Москва.

Конечно, отец-то ничего не боялся, а просто знал, как руководители страны страшатся огласки. Так и не получив ответа, он вернулся в Вешенскую и оттуда послал Брежневу телеграмму с требованием вернуть рукопись.

И тут вдруг в «Правде» появляется отрывок из романа, изуродованный «правкой» кого-то из «редакторской команды» генсека. Возмущенному автору ответили, что не все можно печатать в газете, не пришло время, а вот в книге все можно будет восстанавливать. Но, увы, и в книге ничего не восстановлено.

Спорить было бесполезно и работать над романом дальше невозможно. А каково носить в себе этот груз? Можно теперь искать всевозможные варианты по принципу «чужую беду руками разведу, а к своей — ума не приложу». Надо же в конце концов уметь учитывать время. Оно работало тогда против

Шолохова, и тут ничего не поделаешь. Он как писатель, как человек надеялся на скорые перемены, понимая, что дальше так жить нельзя, но эти перемены пришли для него слишком поздно.

Так литература недосчиталась еще одного романа о великой войне, о великих страданиях и подвигах нашего народа.

А далее читатели получают возможность познакомиться с тем, что же вычеркнули «редакторы».

Эта публикация восстанавливает роман.

Сокращения, сохраненные Светланой Шолоховой, полностью печатаются в новом альманахе — «Книга исторических сенсаций», выпуск которого затеяло московское издательство «Раритет». В этом

жался и в том же году в партию вступил. А он мне: «Брежнев ты, хохол, сушь вымя, ты — петлюровец и самый махровый украинский националист! Желтоблакитная сволочь ты!» Еще когда он меня контророй обозвал, чую, начинают мои нервы расшатываться, а как только он меня петлюровцем обозвал, я поблбднел весь с ног до головы и говорю ему: «Ты сам великодержавный кацап! Какое ты имеешь право меня, коммуниста с восемнадцатого года, петлюровцем называть?» И ты понимаешь, Никола, с детства не говорил по-украински, а тут как прорвало — сразу от великой обиды ридну мову вспомнил: «Який же я, кажу, петлюровец, колы я и на Украине ки разу не був? Я ж на

зья и знакомые. Когда-то должна кончиться беззаконность».

— «Да, ведь столько людей безвинно сидит!»

— «Аресту» подверглось и следующее: «Ты понимаешь хоть одно вот это: десятки тысяч коммунистов и преданных советской власти до последнего вздоха беспартийных сидят невинно, тысячи таких же расстреляны, сотни тысяч ихних близких и друзей не верят в виноватость этих людей. А что это означает? А то означает, что они потеряли веру в советскую власть и озлобились на нее. Братец ты мой, Никола! Ведь это же страшно! Это же спишь — не заспишь и ешь — не заешь. От этого головой вниз с яру кинуться хочется, и кинулся бы, если б таким козырем игре помог!»

— Эта же участь постигла и такие слова: «И на следствии и в лагерях ставился одна цель: лишить нас, заключенных, человеческого достоинства, превратить в животных. В отношении немногих эта цель достигалась, большинство же оставалось людьми. В одном из лагерей вместе со мной был Тодорский Александр Иванович, бывший командир корпуса, осужденный на пятнадцать лет лагерей, с лишением воинского звания, конфискацией имущества и с порчаением в правах на пять лет. Его знал Ленин. Знали многие военные, как честнейшего коммуниста и человека. Работали мы на лесоповале. И вот однажды стоим с ним рядом в походной колонне, идет дождь с мокрым снегом. Стоим час, два. Лагерное начальство не появляется, зато нас, мокрых и продрогших до костей, развлекает культбригада, составленная сплошь из уголовников. Этакое краснорожие гаврики сидят под открытым навесом, дождь их не поливает, вот они и наяривают на балалайках «Ах вы, сени, мои сени, сени новые мои»...

Дядя Саша толкает меня локтем, говорит: «Тезка, это они нас, старых коммунистов, воспитывают. Ты это должен ценить!» Милый дядя Саша! Он и сейчас в лагерях... Но этот человек и там был коммунистом, коммунистом он и останется до конца своих дней. Таких там много, ох, много, Коля!»

Повторяю: мы приводим не все сокращения, так как величина газетная площадь. Но и те, которые публикуем, дают представление о «неприемлемых» для тогдашних хозяев страны эпизодах. В заключение же вновь повторяем слово Светлане Шолоховой:

— Шолохов и сталинщина, Шолохов и, как было принято говорить, руководители партии и правительства... Я надеюсь, что хотя бы сейчас наступит время начинать рассказывать правду. И образ писателя и гражданина предстанет совсем не таким, как это внушалось и внушается. Он всю свою жизнь стремился быть независимым...

Труба - 1993 - 27 июня

Ставропольщине родился и усю жизнь там прожил». Он и привязался: «Ага, говорит, заговорил на маминем языке! Раскальвайся дальше!» Обдумался я и говорю опять же на украинском: «У Петлюры я не був, а ще гирше за мною було дило...» Он весь перегнулся ко мне, пытается: «Какое? Говори!» Я глаза рукавом тру и тихосенько кажу: «Був я тоди архиереєм у Житомири и пан гетьман Скоропадський мене пид ручку до стола водив». Ах, как он взвился! Аж глаза позеленели. «Ты что же это вздумал издеваться над следственными органами?» Откуда ни возьмись появились еще двое добрых молодцев, и стали они с меня кулаками архиерейский сан снимать... Часа два трудились надо мной! Обольют водой и опять за меня берутся. Ты что, Никола, морду воротишь? Смеешься? Ты бы там посмеялся, на моем месте, а мне тогда не до смеха было. За восемь месяцев кем я только не был: и петлюровцем, и троцкистом, и бухаринцем, и вообще контророй, вредителем сельского хозяйства... а кончилось тем, что первых трех из нашего бюро расстреляли, меня и еще одного парня, начальника милиции, выпустили, четырех остальных членов бюро загнали в лагерь. Там они до сей поры нужду гнут».

— Из разговора исчезло одно за другим: «Ведь большие тысячи людей сидят и ждут правду. В числе их и мои дру-

Шолохов Михаил

27.07.93, 2